

Уроки Цзи Чжичэна приносили прекрасные плоды. Как только прошло три дня, Цяньлун нетерпеливо направился в Студию усердной учебы — ему не терпелось взглянуть на учебные успехи Сяо Яньцзы.

— Ха-ха-ха-ха, Сяо Яньцзы, ты сильно продвинулась вперед! И пусть это сочинение не отличается особенным блеском, но оно строго следует теме, да и иероглифы стали гораздо аккуратнее, — Цяньлун совершенно не скупился на похвалу.

— Конечно, Отец-Император! Вы же не знаете, днем Цзи Чжичэн заставлял меня читать и учить иероглифы, а по вечерам Цзывэй еще и подтягивала мои знания, я ведь так ужасно уставала!

— Тогда это поистине заслуга Цзывэй и Чжичэна, Я щедро их вознагражу!

— Отец-Император, Цзывэй не смеет приписывать всю славу себе, тут нужно благодарить за то, что у Сяо Яньцзы такой прекрасный наставник, — скромно произнесла Цзывэй.

— Принцесса Минчжу слишком добра к недостойному. Принцесса Хуаньчжу одарена от природы, ее сообразительность поразительна, а я лишь немного ее направил, так что зваться наставником принцессы мне не положено.

— Ха-ха-ха-ха, Сяолань, взгляни-ка, какие нынче пошли молодые люди — истинная скромность! По мне так этот Чжичэн обладает твоим благородным нравом, — Цяньлун покачивал складным веером, крайне довольный Цзи Чжичэном.

Цяньлун перевел взгляд с Цзи Чжичэна на Цзывэй: один — молодой чжуаньюань с неисчерпаемой ученостью в голове, другая — талантливая дева, искусная во всех четырех искусствах: цине, шахматах, каллиграфии и живописи. Они составляли прекрасную пару, истинный союз таланта и красоты, идеально подходящие друг другу.

Цзывэй и Цзи Чжичэн еще не догадывались, что в мыслях Цяньлун уже связал их красной нитью судьбы, они оба были просто рады тому, что Сяо Яньцзы благополучно миновала испытание.

Вскоре настал день возвращения Лао-фо-е во дворец. Церемония встречи выдалась поистине грандиозной: Император и все гражданские и военные чиновники стояли в самомпереди, приветствуя гостью, во втором ряду расположились принцы и императорские родственники, а в глубине находились Императрица и многочисленные женщины императорской семьи, среди которых рядом с Императрицей стояли Сяо Яньцзы и Цзывэй.

Изначально Императрица собиралась поставить Сяо Яньцзы вместе с остальными принцессами, но при мысли о пережитых в прошлой жизни потрясениях тут же отбросила эту затею.

Вскоре в поле зрения показался пышный кортеж вдовствующей императрицы. Люди падали на колени, громко выкрикивая:

— Почтеннейше приветствуем Лао-фо-е по случаю возвращения во дворец! Долгих лет Лао-фо-е, десяти тысяч лет, десяти тысяч долгих лет!

Лао-фо-е, опираясь на руку Цинъэр, сошла с паланкина. Держась с величественным достоинством, она принимала всеобщие поклоны. Консорт Ю шествовала позади Лао-фо-е, глазами отыскивая в толпе фигуру Юнцзи.

Цяньлун шагнул вперед:

— Лао-фо-е возносила молитвы о благополучии Великой Цин, а ваш сын не смог встретить вас у ворот дворца, это поистине проявление сыновней нелюбви.

Вдовствующая императрица ласково улыбнулась:

— Император занят государственными делами, к тому же со мной рядом Цинъэр и Консорт Ю, разве было нужно, чтобы Император встречал меня лично?

— Лао-фо-е столько времени соблюдала пост ради Великой Цин, это поистине тяжкий труд.

— Я молилась о благополучии Великой Цин и здравии Императора, разве это можно назвать тяжким трудом?

Едва слова Лао-фо-е утихли, Цинъэр и Консорт Ю приблизились, чтобы выразить почтение Императору.

— Цинъэр стала еще краше и заметнее. А Консорт Ю, кажется, немного похудела. Вы обе проделали тяжелый путь, сопровождая Лао-фо-е. Благодаря вам я чувствую себя гораздо спокойнее.

— Император, для Цинъэр было величайшей радостью находиться рядом с Лао-фо-е! — с улыбкой ответила Цинъэр.

— Верно, Император, сопровождать Лао-фо-е в молитвах — долг вашей покорной слуги и ее величайшая честь.

— Матушка, вы отсутствовали целых восемь месяцев, неужто вы совсем забыли сына? — Юнцзи сегодня облачился в праздничный парадный наряд красного цвета и, подойдя к Консорту Ю, капризно протянул эти слова.

— Глупый мальчишка, разве могла матушка не тосковать по тебе? — Консорт Ю с нежностью крепко сжала руку Юнци, ее взгляд был полон материнской любви, а глаза даже слегка покраснели.

— Матушка? — Юнци заметил странность в ее поведении и окликнул ее.

Схватившись за сердце при мысли о собственной несдержанности, Консорт Ю торопливо произнесла:

— Ах ты, ребенок, почему до сих пор не поприветствовал Лао-фо-е?

— Выразить почтение матушке — тоже долг сыновней почтительности. Но я смотрю, Юнци снова подрос, — в глазах Лао-фо-е, смотревшей на своего самого способного внука, читалось безграничное тепло.

— Августейшая бабушка, в ваших словах кроется скрытый смысл! Я ведь уже в таком возрасте, если бы еще продолжал расти, то превратился бы в великана Великой Цин.

Шутка Юнци рассмешила Лао-фо-е, и после еще нескольких обмена репликами атмосфера стала теплой и непринужденной.

Однако в этот самый момент среди конных повозок внезапно поднялась суматоха: белоснежная лошадь испугалась и на полном скаку понеслась прямо в сторону Лао-фо-е.

— Защитите Императора! Защитите Лао-фо-е! Живо поймайте эту лошадь! — стражники в панике бросились ловить взбесившееся животное. Императрица, стоявшая ближе всех к Лао-фо-е, рывком заслонила ее собой, а Юнци бросился прикрывать стоявших рядом Консорта Ю, Императора, Консорта Лин и остальных.

Видя, что копыта вот-вот обрушатся на Императрицу, Сяо Яньцзы вихрем выскочила вперед и закрыла ее собой. Тяжелые копыта пришили прямо по плечу девушки, и от дикой боли Сяо Яньцзы потеряла сознание.

Стоявшего рядом Юнци тоже задело и отбросило на землю, причем его плечо с размаху ударилось о каменные ступени. Как раз в тот момент, когда копыта готовы были опуститься и на него, Цзи Чжичэн одной рукой мертвой хваткой вцепился в конские поводья, а Бэньцземин и братья Фу совместными усилиями укротили взбесившегося скакуна.

Убедившись, что животное обезврежено, Цзи Чжичэн в два-три прыжка очутился возле Сяо Яньцзы и, забыв про все приличия между мужчиной и женщиной, подхватил ее на руки и бросился в Шоуфанчжай.

В Шоуфанчае Император созвал всех врачей Императорской медицинской палаты, бросив их

на спасение Сяо Яньцзы.

Лао-фо-е находилась в глубоком душевном трепете, непрерывно повторяя «Амитабха» и молясь за Сяо Яньцзы. Императрица стояла неподалеку с красными воспаленными глазами, ее взгляд снова и снова устремлялся в спальню: она собственными глазами видела, как тяжелые копыта обрушились на тело Сяо Яньцзы. Если бы не стремление спасти ее, Императрицу, Сяо Яньцзы никогда бы не получила столь тяжелые увечья.

Цзывэй же выплакала все глаза, и Цзиньсо едва удерживала ее на ногах, потому что та не могла стоять сама; Эркэн находился рядом с Цзывэй, а в его взгляде читалась безраздельная тревога.

Цяньлун раздраженно шагнул из угла в угол по внутренним покоям:

— Придворные! Зарубите эту сорвавшуюся с цепи тварь!

Такое грандиозное событие было испорчено из-за какой-то лошади, перевернувшей всё вверх дном, да еще и приведшее к тяжелым травмам Сяо Яньцзы и испугу Лао-фо-е. Цяньлун был готов разорвать животное на части и испить его крови.

Сяо Луцзы поспешно принял высочайший приказ и бросился его исполнять.

Цзи Чжичэн, глядя на то, как из комнаты выносят одну за другой бадьи окровавленной воды, чувствовал, как его сердце сжимается от боли. Вспомнив окровавленное, бесчувственное тело Сяо Яньцзы, он был готов предать мучительной казни тварь, причинившую ей этот вред.

Юнци тоже метался в тревоге, то и дело бросая взгляды внутрь комнаты. Ткань на его плече давно протерлась, обнажая разодранную в мясо плоть. Консорт Ю, болея душой за сына, уговаривала его вернуться во Дворец Юнхэгун и обработать рану, однако Юнци отказывался покидать Сяо Яньцзы и упрямо желал оставаться в Шоуфанчжае до тех пор, пока та не придет в себя.

В сердце Консорта Ю зазвучали тревожные звоночки: хотя Сяо Яньцзы действительно спасла ее, одного этого было абсолютно недостаточно, чтобы она смогла принять девушку. В конце концов, только благородная девица из знатной семьи вроде Синьжун была достойна ее гордого сына Юнци.

У Консорта Ю даже промелькнула смутная мысль: было бы лучше, если бы Сяо Яньцзы на этот раз не выжила.

Остальные не разделяли столь темных помыслов Консорта Ю и искренне молились о том, чтобы с Сяо Яньцзы всё было в порядке.

В этот момент из комнаты вышел Чан Шоу:

— Докладываю Имперачу, Лао-фо-е и всем господам: принцесса вне опасности, однако из-за тяжести ран она пока без сознания.

— Ами табха, истинно милость Будды! Раз с ребенком всё хорошо, слава небесам, — Лао-фо-е шумно выдохнула, после чего, словно лишившись последних сил, опустилась на стул при поддержке Циньэр.

— Императорский лекарь Чан, скажите мне, каково состояние Сяо Яньцзы? — с тревогой поинтересовалась Императрица.

— Отвечаю Императрице: у принцессы перелом всей руки, а учитывая полученное ранее ножевое ранение, швы разошлись, и она потеряла много крови. Я уже зафиксировал кости лубками, и при должном уходе с моими лекарствами через месяц она полностью поправится, — доложив это, Чан Шоу поспешно удалился готовить отвары.

Перелом руки... Представить только, как сильно болело у Сяо Яньцзы! Услышав слова лекаря Чана, Цзывэй снова не смогла сдержать слёз.

— Цзывэй, у Сяо Яньцзы добрая судьба, она со всем справится, а ты сама слаба здоровьем, перестань плакать, — Эркан, неотрывно следивший за Цзывэй, шагнул вперед и заговорил мягким успокаивающим голосом, при этом слегка поддерживая девушку, опасаясь, что она упадет в обморок от слез.

Все вокруг были поглощены заботой о состоянии Сяо Яньцзы, и лишь Циньэр, чье внимание неизменно привлекал Эркан, заметила его излишне вольный поступок.

Циньэр опустила ресницы, в глубине ее глаз затаилась смутная тень, после чего она помогла Лао-фо-е вернуться во Дворец Цынингун.

Как только состояние Сяо Яньцзы стабилизировалось, Цяньлун тоже испустил долгий вздох облегчения. Вспомнив, что Лао-фо-е также пережила сильный испуг, он распорядился:

— Чан Шоу, отправляйся во Дворец Цынингун и осмотри Лао-фо-е. Она сегодня сильно испугалась, я боюсь, как бы это не отразилось на ее здоровье.

Узнав, что с Сяо Яньцзы всё в порядке, остальные наконец разошлись по своим дворцам, оставив лишь Императрицу, Цзи Чжичэна и братьев Фу. Юнци тоже желал остаться, но Консорт Ю настоятельно потребовала, чтобы он вернулся во Дворец Юнхэгун для обработки раны, так что ему пришлось подчиниться и уйти вместе с матушкой.

Император вместе с Консортом Лин и целой процессией лекарей направился во Дворец

Цынингун, с беспокойством заглядывая в лицо Лао-фо-е.

Осмотрев столпившихся у ложа вдовствующей императрицы людей, Чан Шоу нахмурился:

— Прошу Его Величество и всех госпожей подождать снаружи: здесь слишком много людей, воздух спёртый, а для Лао-фо-е это вредно.

Окружающие один за другим стали выходить, оставив прислуживать лишь Циньэр.

Вскоре Чан Шоу вернулся в главный зал, и Цяньлун поспешно подошел к нему:

— Как Лао-фо-е?

— Докладываю Императору: у Лао-фо-е прекрасная судьба, никаких повреждений костей и сухожилий нет, она лишь сильно испугалась и находится в некотором помрачении чувств. У меня есть проверенное личное средство — пилюли умиротворения Ваньнин, я уже дал Лао-фо-е одну. Способ применения остальных я объяснил княжне Цин, больше никаких лекарств принимать не требуется: избыток снадобий приносит вред, а не пользу.

Выдержав паузу, Чан Шоу добавил:

— Сейчас княжна Цин веселит Лао-фо-е беседой, и ее душевное состояние значительно улучшилось, а это целебнее любых чудодейственных пилюль.

Услышав слова лекаря Чана, Цяньлун успокоился и отдал распоряжение лекарю Ху и прочим навестить Юнци и Консорта Ю в их дворце.

Поскольку Сяо Яньцзы приняла основной удар на себя, сам Юнци отделался лишь легким ранением, в то время как остальные испытали лишь сильный испуг.

Сумерки сгустились, и багровые закатные облака на краю неба постепенно поглотила мрачная туманная пелена. Луна сияла подобно снегу, ее безмолвное холодное сияние ложилось на дорожки из синего камня. Ночь становилась все глуше, дворцовые фонари один за другим гасли, и лишь в Шоуфанчжае по-прежнему ярко горел свет.

У Сяо Яньцзы поднялась высокая температура. Она в изнеможении лежала на постели, ее некогда розовые губы потеряли всякий цвет, а на лбу непрерывно выступали капли холодного пота. Девушка что-то бессвязно бормотала в бреду, словно испытывая невыносимые муки.

Императрица сидела у изголовья Сяо Яньцзы, дрожащей рукой раз за разом вытирая влагу с ее лба. Она провела у постели девушки уже пять часов, и хотя приближалась полночь, а во рту у нее не было ни крошки еды, она механически повторяла одно и то же движение, стирая пот со

лба больной.

Волосы Императрицы слегка растрепались, и она не находила времени их поправить — несколько прядей у висков безвольно липли к щекам. Как ни уговаривала ее нянька Жун, Императрица и не думала уходить: она хотела дожидаться момента, когда Сяо Яньцзы откроет глаза.

Цзывэй с Цзиньсо тоже неотлучно дежурили у постели. Видя, в каком хрупком состоянии находится Сяо Яньцзы, Цзывэй плакала снова и снова.

Цзи Чжичэн, ожидавший снаружи, места себе не находил от тревоги. Он бесцельно метался по двору Шоуфанчжая, словно потерявшая голову муха, проклиная себя за то, что удар не достался ему.

Во Дворце Цынингун из-за переживаний за Сяо Яньцзы Лао-фо-е всё еще не ложилась спать.

— Циньэр, я право не ожидала, что эта принцеза Хуаньчжу заставит меня взглянуть на нее совершенно по-новому.

Прежде Лао-фо-е испытывала немалое раздражение из-за того, что Императрица удочерила простолюдинку. Но если бы не она сегодня, кто знает, возможно, на том злосчастном месте оказалась бы сама Императрица. Вздыхнув, Лао-фо-е подумала о том, как в столь опасной ситуации Императрица сумела крепко прикрыть ее собой.

— Верно, Лао-фо-е. Циньэр слышала, что эта принцесса Хуаньчжу рисковала жизнью, прорываясь на охотничьи угодья ради доставки весточки принцессе Минчжу, а сегодня проявила такую отвагу перед лицом смертельной опасности... Она истинная героиня среди женщин! — в голосе Циньэр звучало искреннее восхищение Сяо Яньцзы.

— Этот ребенок поистине хорош, я лишь молюсь, чтобы она поскорее поправилась, — Лао-фо-е перебирала пальцами четки, беззвучно шевеля губами, словно читая какие-то буддийские сутры.

Приближалась полночь, и Циньэр, опасаясь за здоровье вдовствующей императрицы, уговаривала ее лечь отдохнуть.

Видимо, сказался дневной испуг — Лао-фо-е быстро погрузилась в тяжелый, глубокий сон.

Во сне ей привиделся тот самый день возвращения во дворец, когда эта принцесса Хуаньчжу затесалась в конный кортеж и, неся поднос с пирожными «Фиолетовые тучи предвещают удачу», испугала коня по кличке Фэйэр. Животное стрелой понеслось прямо на нее, угощение рассыпалось по земле, но никто в итоге не пострадал.

Рядом с Сяо Яньцзы неотлучно находилась девчушка по имени Цзывэй, обе девушки пользовались огромной любовью Императора, а Пятый принц, оба брата Фу и тот иноземец-художник Бэньцземин повсюду защищали их.

Кто бы мог подумать, что именно Цзывэй окажется настоящей принцессой! Император же так привязался к Сяо Яньцзы, что не только признал Цзывэй, но и сохранил за Сяо Яньцзы ее титул принцессы. Позднее даже Юнци воспылал к ней страстью, и хотя Консорт Ю чинила всевозможные препятствия, Юнци не оставалось ничего иного, кроме как взять в жены принцессу Синьжун, дочь чиновника Гуаньбао.

Затем Сяо Яньцзы и Цзывэй помогли бежать Благородной консорт Сян, после чего началось их долгое скитание в бегах. Но никто не ожидал, что Императрица окажется настолько жестокосердной и попытается извести детей. К счастью, Император лично отправился за ними в путь и вернул ребятам дом, а она с радостью приготовила каждой из девушек по новому комплекту одежды.

Вот только платье надела лишь Цзывэй, а Сяо Яньцзы так и не вернулась.

А Циньэр... ее дорогая Циньэр больше никогда не возвращалась.

— Циньэр! Циньэр! — Лао-фо-е с криком проснулась, ее тело было насквозь пропитано холодным потом.

— Лао-фо-е, я здесь, Циньэр тут! — едва услышав зов, Циньэр даже не успела нормально одеться и, в одной лишь нижней сорочке, со всех ног бросилась к постели вдовствующей императрицы, с тревогой вглядываясь в ее лицо.

Встретив полный беспокойства взгляд Циньэр, Лао-фо-е еще не до конца освободилась от наваждения сна.

— Циньэр, Циньэр, моя добрая Циньэр... — Лао-фо-е погладила Циньэр по руке, и в ее глазах читалось глубочайшее дочернее — нет, родственное — умиление.

Циньэр следовала за ней с пятилетнего возраста, разделяя с ней все эти годы пост и молитвы, и даже самый любимый внук Юнци не мог заменить ее в сердце Лао-фо-е.

— Лао-фо-е, вы сегодня испытали сильный страх, должно быть, опять привиделся дурной сон. В эту ночь Циньэр никуда не уйдет, я буду дежурить у вашей постели, — Лао-фо-е была уже в преклонных годах, и перенесенное потрясение заставляло Циньэр сильно переживать.

— Добрая моя Циньэр, если бы ты оставила меня, я поистине не знала бы, как жить дальше.

— Лао-фо-е, Циньэр никогда вас не оставит, Циньэр хочет всю жизнь сопровождать вас! —

Циньэр с детской привязанностью прижалась головой к коленям Лао-фо-е.

Смягчив взгляд, Лао-фо-е нежно погладила ее шелковистые волосы:

— Глупый ребенок, разве бывает так, чтобы девушка не выходила замуж? Я лишь молю о том, чтобы и впредь иметь возможность постоянно видеть мою Циньэр, и с меня будет достаточно.

Будучи истовой верующей в духов и божеств, она не сомневалась, что подобные сны не снятся просто так, тем более настолько четкие, словно пережитые наяву.

При мысли о том, что в ее сне вплоть до самого смертного часа ей больше не довелось увидеть Циньэр, Лао-фо-е почувствовала, будто ее сердце полоснули ножом. Что бы ни случилось, она обязана удержать Циньэр подле себя, она не смеет потерять ее во второй раз.

— Лао-фо-е, Циньэр вовсе не хочет замуж, Циньэр хочет вечно быть с вами! — подняв голову, воскликнула Циньэр с сияющими глазами. Лао-фо-е была ее единственным родным человеком в этом мире, и девочка ни за что не согласилась бы с ней расстаться.

— Хорошо-хорошо, боюсь лишь, что придет время, и сама Циньэр станет умолять меня выдать ее замуж, — Лао-фо-е с безграничной нежностью смотрела на девушку.

— Лао-фо-е, вы снова дразните Циньэр! — смущенно отвернулась та, но в мыслях у нее тут же промелькнул образ Эркана.

— Пить, пить, я хочу пить... — едва слышно шевельнулись потрескавшиеся губы Сяо Яньцзы.

Цзывэй, дремавшая у изголовья, услышав ее голос, в испуге вскочила, налила чашку воды и, зачерпывая маленькой ложечкой, поднесла к губам девушки. Сяо Яньцзы бессознательно глотнула влагу. Цзиньсо тем временем бросилась звать императорского лекаря.

Продежуривший всю ночь Цзи Чжичэн вошел в комнату следом за Чан Шоу и при виде бледного лица Сяо Яньцзы почувствовал, как сердце вновь пронзила острая боль.

Императорский лекарь пощупал пульс девушки:

— Состояние принцессы Хуаньчжу стабилизировалось, жар спал, полагаю, вскоре она пойдет на поправку.

Камни свалились с сердец всех присутствующих. Цзывэй поспешно отправила Сяо Чжоуцзы и Сяо Дэнцзы в Дворец Куннингун: прошлой ночью Императрица дежурила у постели Сяо Яньцзы до третьей стражи, но в итоге, лишившись последних сил, ушла отдыхать по настоянию няньки Жун.

— Сколько же тут народу... Я что, опять вознеслась на небеса? — придя в себя, Сяо Яньцзы еще не до конца осознавала происходящее, видя лишь заполнивших всю комнату людей.

— Сяо Яньцзы, ты наконец очнулась! Ты даже не представляешь, как сильно я за тебя переживала! — Цзывэй бросилась к постели, вцепляясь обеими руками в ладонь подружки.

Кто бы знал, какой ужас она испытала, глядя на безжизненно лежащую здесь Сяо Яньцзы, чье лицо было настолько бледным, будто перед ней находилась хрупкая фарфоровая кукла, способная разбиться от любого малейшего движения.

Кап... Слезы Цзывэй неудержимо закапали на здоровую руку Сяо Яньцзы.

Сознание Сяо Яньцзы постепенно прояснялось, она попыталась пошевелить рукой, чтобы утешить Цзывэй, но ее правая рука наотрез отказывалась подчиняться. Повернув голову, она заметила, что вся рука туго замотана в несколько слоев плотной марши.

Остальные тоже с беспокойством обступили кровать. Императрица с красными воспаленными глазами глядела на девушку, протягивая руку, чтобы поправить прилипшие от пота волосы на ее лбу.

— Матушка, Цзывэй, и все вы... Пожалуйста, не плачьте, со мной всё в порядке, — слабо улыбнувшись, произнесла Сяо Яньцзы, оглядывая присутствующих и замечая во всех взглядах искреннюю заботу.

Цзи Чжичэн, стоявший в самом хвосте, глядя на то, как Сяо Яньцзы, будучи столь слабой, еще пытается утешить остальных, чувствовал, как его сердце разбивается на мелкие осколки. В этот момент он дал себе молчаливый зарок: впредь он будет оберегать Сяо Яньцзы и больше никому не позволит причинить ей боль.

— Сяо Яньцзы, ты ведь едва до смерти не напугала матушку! Что бы я делала, случись с тобой какая беда? — глядя на изнуренную девушку, Императрица чувствовала, как внутри всё заходится от жгучей боли.

Никто из присутствующих даже не обратил внимания на то, что Императрица назвала себя матушкой Сяо Яньцзы, а не Императрицей-Матушкой.

— Матушка, я же женщина-героиня Сяо Яньцзы! Разве вы сами не говорили, что меня ждет долгое счастье впереди? — заметив всеобщее волнение, девушка попыталась ободрить их шуткой.

— Сяо Яньцзы, прости меня... Это я не уберег тебя, — Юнци испытывал тяжелое чувство вины: он находился прямо рядом с ней, но не смог защитить.

Цзи Чжичэн холодно и молча бросил взгляд на Юнцзи, не сказав ни слова.

— Юнцзи, все произошло слишком внезапно, твоей вины тут нет. К тому же ты приходишься Сяо Яньцзы братом, и я уверена, она на тебя не в обиде, — Императрица не упускала ни единой возможности окончательно закрепить за Сяо Яньцзы и Юнцзи статус брата и сестры.

— Да, Пятый брат, ты ведь защитил тогда столько людей, если бы не ты, пострадавших наверняка оказалось бы куда больше, — поддержала Цзывэй.

Услышав слова Императрицы, Юнцзи почувствовал некий осадок на душе и решил больше не развивать эту тему.

В этот момент вошел лекарь Чан с пиалой черного, источающего горький запах отвара, которую тут же перехватила Цзывэй. Глядя на эту огромную чашку, испускающую горькие испарения, Сяо Яньцзы аж передернуло от ужаса.

— Цзывэй, давай ты пока отставишь его, я выпью чуть позже, ладно? — скорчив умоляющее и несчастное лицо, протянула она.

Разве Цзывэй не понимала мыслей подруги? Мягко улыбаясь, она принялась ее уговаривать:

— Сяо Яньцзы, горькое лекарство исцеляет недуги. Давай выпьем его вместе, я составлю тебе компанию, хорошо?

<http://bllate.org/book/22028/2290209>